

DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00001

УДК 94(37):17

**ЦИЦЕРОН О ПАДЕНИИ НРАВОВ И
НЕОБХОДИМОСТИ НРАВСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ
В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ I В. ДО Н.Э.**

Брагова А.М.

Статья посвящена анализу воззрений Цицерона на падение нравов в римском обществе его времени, рассмотрению взаимосвязи между нравственным упадком и падением Римской республики, обсуждению возможности проведения нравственной реформы римского общества в сочинениях Цицерона.

Ключевые слова: Цицерон, падение нравов, нравственная реформа, I в. до н.э., Древний Рим, Римская республика, римское общество, *mores majorum*.

**CICERO ON MORAL DECLINE AND
NECESSITY OF THE ETHIC REFORM
IN THE ROMAN REPUBLIC OF THE I B.C.**

Bragova A.M.

The article analyses Cicero's views on moral decline in the Roman society of the first century B.C., and the research of the interrelation between the moral decline and the degradation of the Roman Republic and the discussion of a possibility of an ethical reform in the Roman society in Cicero's works.

Keywords: Cicero, moral decline, ethical reform, the first century B.C., Ancient Rome, Roman Republic, Roman society, *mores majorum*.

Статья посвящена одной из ведущих тем этико-политического характера в сочинениях Цицерона – теории падения нравов, а также вопросу о необходимости и возможности проведения нравственной реформы в римском обществе I в. до н.э. Надо отметить, что теория падения нравов имела распространение среди греческих и римских мыслителей, как

предшественников Цицерона (Катона Старшего, Полибия, Посидония), так и его современников (Саллюстия) [1, с. 7, 10; 2, с. 83]. Родоначальником теории упадка нравов считается Катон Старший, который вел борьбу с падением нравов, призывая римских граждан следовать нравам предков [5, с. 267-268].

Полибий в 6-й книге «Всеобщей истории» (Polyb. Hist. 6.57) указывает на то, что государство может прийти к упадку либо из-за действий извне, либо из-за внутренних причин, т. е. падения нравов, вызванного властолюбием граждан, пренебрежением к скромному положению, спесивостью и расточительностью. Саллюстий пишет о нравах гражданской общины (*de moribus civitatis*), упоминая установления предков (*instituta majorum*), о том, как те правила государством (*rem publicam habuerint*) и таким (хорошим) оставили его (потомкам) (*quantumque reliquerint*), чтобы постепенно оно из красивейшего превратилось в самое плохое (*ut paulatim... ex pulcherrima... pessima... facta sit*) (Sall. Cat. 5.9).

Цицерон разделяет указанные идеи: например, в речах он часто повторяет фразу: «*O tempora, o mores!*» (Cic. in Cat. 1.2; pro Cael. 29; pro Deiot. 31; in Verr. 2.4, 55), в работах разного характера (переписке, ораторских трактатах, политических диалогах, речах) неоднократно употребляет термин *mores* / *mos majorum* при ссылке на нравы и обычаи предков как на эталон, образец (Cic. de orat. 1.39, 2.200, 3.74; ad Att. 1.1, 8.2; ad fam. 3.7, 10.12, 13.10; de leg. 2.23, 40, 54; de off. 1.35; de rep. 3.4; in Pis. 21, 34; in Vat. 34-35; pro Cluent. 103; pro Planc. 28; pro Scaur. 30 и др.). Цицерон связывает прочность римского государства с римскими нравами: римское государство могло бы быть вечным, если бы все жили по заветам и обычаям "отцов" (*[res publica] poterat esse perpetua, si patriis viveretur institutis et moribus*) (Cic. de rep. 3.41. Cf. Cic. de off. 1.55-56).

Для Цицерона и его современников этические и политические вопросы воспринимались как неделимое целое. Падение нравов виделось ими в качестве причины падения республики. В одном из пассажей речи «В защиту Сестия» Цицерон пишет, что потрясения в республике происходят из-за того, что в ней находятся люди, которые из-за страха перед наказанием за свои проступки

(*propter metum poenae, peccatorum suorum conscii*), из-за запутанности имущественных дел (*propter implicationem rei familiaris*) или по другим причинам стремятся к мятежам и раздорам (*Cic. pro Sest. 99. Cf. Cic. pro Rab. 33*). Таким образом, изменения в управлении государством Цицерон прочно связывает с изменениями в уровне нравственности [1, с. 37; 7, S. 102-103; 11, р. 72; 16, р. 172; 19, р. 86;].

Как указывает В. Кораб-Карпович, есть определенная взаимосвязь между душевными качествами людей (*the quality of people*) и их государственными институтами (*their institutions*). Хорошие учреждения способствуют сохранению политических и нравственных ценностей в обществе (*political and moral values in the society*). Без таких ценностей политические учреждения являются демократическими по названию, а не по содержанию (*lose their substance and become republican in the name alone*) [11, р. 72]. Здесь также важно понимать, что древние римляне не связывали падение Римской республики с системными проблемами политического характера: они, как правило, считали причиной такого падения просчеты отдельных политических деятелей, падение их нравственности. Погоня за таким злом, как *avaritia, luxuria*, стала для них более важной, чем служение государству [16, р. 172]. Поскольку меняется образ жизни нобилей (*nobilium vita victuque mutato*), меняются и нравы в государствах (*mores mutari civitatum*), ведь они распространяют пороки (*ea [vitia] infundunt*) (*Cic. de leg. 3.32*). И здесь важно подчеркнуть, что, по мнению Цицерона, к нравственной деградации склонны не только правители (*Cic. de rep. 2.51*), но и народ в целом (*Cic. de rep. 1.67*) [7, S. 102-103]. И те, и другие имеют необузданное стремление к богатству: нравы испорчены и развращены из-за восхищения богатством (*corrupti mores depravatique sunt admiratione divitiarum*) (*Cic. de off. 2.71*) [1, с. 37; 20, р. 112].

Цицерон пишет, что роскошь портит людей и что недостойно утопать в роскоши (*sit turpe diffluere luxuria*) (*Cic. de off. 1.106. Cf. Cic. de rep. 2.8*). Кроме жажды богатства и роскоши Цицерон выделяет стремление людей к высшим должностям, почестям, славе (*imperatorum, honorum, gloriae cupiditatem*),

приводя в пример Цезаря, который изменил все божеские и человеческие законы ради стремления первенствовать (*omnia jura divina et humana pervertit propter... principatum*) (Cic. de off. 1.26. Cf. Cic. de off. 1.64).

Х. Виршубский справедливо замечает, что причиной падения нравов было слишком амбициозное рвение к обладанию *dignitas* (*too ambitious pursuit of dignitas*): чрезмерное желание обладать (*excessive dignitas*) является деструктивным фактором (*a destructive factor*), поскольку в погоне за *dignitas* не берется в расчет нравственная сущность *dignitas* (*in its pursuit the moral basis on which dignitas must rest was disregarded*) [19, p. 86]. Надо отметить, что понятие *dignitas* (достоинство, высокое положение) используется Цицероном для характеристики лучших, т. е. храбрейших и известнейших, государственных мужей (*optimi*: Cic. pro Sest. 104; *optimi cives*: Cic. pro Sest. 125; *fortissimi et clarissimi cives*: Cic. pro Sest. 144), которые защитили всеобщее благополучие несмотря на опасность, которая им грозила (*qui salutem communem periculo suo defendissent*) (Cic. pro Sest. 12), что позволяет нам сделать вывод о том, что данное понятие употребляется Цицероном как в политическом, так и в этическом значении, причем, как было сказано, оба значения неразрывно связаны.

Цицерон не только поднимает вопрос об испорченных нравах и об их отрицательном влиянии на политическую ситуацию в римской республике, но и делает попытку предложить некое решение по данному вопросу. Выходом из сложившейся ситуации он видит в улучшении нравов, в проведении некоей нравственной реформы. Ведь нет ничего приятнее и ничто так не сближает, как сходство добрых нравов (*nihil autem est amabilius nec copulatus, quam morum similitudo bonorum*) (Cic. de off. 1.56). Термин *mores*, особенно в сочетании со словом *majorum*, является фундаментальным в рассуждениях Цицерона о необходимости нравственного обновления общества. Под *mores majorum* Цицерон понимает обычаи предков, которым нужно следовать.

Как указывает Г. ван ден Блом, в сочинениях Цицерона предки и их обычаи являлись образцом хорошего поведения (*a kind of code of good conduct*),

иногда сопоставимым с законом (at times compared to law), которые имели авторитет у римлян (which held ... authority with the Romans) [17, p. 24]. Примеры из истории Римского государства, о его становлении благодаря высоким нравственным качествам его государственных деятелей, их мудрости, прозорливости и другим добродетелям служат доказательством важности нравственного обновления римского общества.

Цицерон пишет, что римский народ достиг своей мощи не случайно, а благодаря благоразумию и строгому порядку (non fortuito populum Romanum, sed consilio et disciplina confirmatum esse) (Cic. de rep. 2.30).

В. Кораб-Карповски справедливо выделяет в сочинениях Цицерона следующие этико-политические ценности, которые могут привести государство к процветанию: 1) законная власть, основанная на справедливости и на идее служения народу (legitimacy based on justice and service) (Cic. de off. 1.85); 2) ограниченная и не единоличная политическая власть (limited and divided political power) (Cic. de rep. 2.23); 3) свобода и ответственность граждан (freedom and responsibility) (Cic. de rep. 1.33, de leg. 3.27); 4) справедливость и человечность правителей и народа (justice and cooperation) (Cic. de off. 2.18); 5) компетентное руководство государством и, как следствие, верность народа (leadership and royalty) (Cic. de rep. 5.5, de leg. 3.5); 6) разумность и знание (rationality and knowledge) (Cic. de off. 1.11, de rep. 1.29); 7) дружеские связи (human fellowship) (Cic. de off. 1.55); 8) открытость по отношению к другим народам и культурам (openness to other people and cultures) (Cic. de off. 3.47); 9) умеренность и сохранение мира (moderation and peace) (Cic. de rep. 2.26, de off. 1.35) [11, p. 72].

Как мы видим, данные этико-политические ценности являются синтезом стоических добродетелей и политических понятий, заложенных еще древними греками (Платоном, Аристотелем и др.) и интерпретированных Цицероном применительно к римским политическим реалиям. По поводу нравственного обновления общества Цицерон также замечает, что оно должно затронуть все уровни государственной власти: монархический (консулы, магистраты),

аристократический (сенат) и демократический (трибуны и народные комиции), особенно первые два. Именно государственный аппарат должен являться образцом в плане нравственности, ведь на государственных руководителей равняются остальные граждане (Cic. de rep. 1.51). Государственные мужи должны служить безопасности и благосостоянию граждан, а не возвеличиванию себя (Cic. de off. 2.20-38. Cf. Cic. de rep. 5.8; ad Att. 8.1-2, pro Mur. 23).

Таким образом, покровительство становится выражением идеальной власти, связанной со справедливостью, благодеянием, благоразумием, величием духа, умеренностью, т. е. составляющими *virtus*. Люди, обладающие указанными добродетелями, именно в силу своей *virtus* в состоянии охранять государство и управлять им, способны влиять на народные массы, иначе говоря, иметь авторитет (*auctoritas*) среди многих людей [1, с. 183; 8, S. 43-50; 9; 10, S. 245; 13, S. 239].

Однако, как пишет Цицерон, в его времена государство было полностью утрачено из-за моральной деградации государственных руководителей (Cic. de off. 2.29. Cf. Cic. de leg. 3.32). Он сомневается в возможности восстановления прежнего государственного порядка, возвращения согласия между сословиями: по его мнению, государство не нуждается в оружии под именем благоразумия, таланта, авторитета (*non consili, non ingeni, non auctoritatis armis egere rem publicam*) (Cic. Brut. 2.7. Cf. Cic. ad fam. 7.28.2) [15, p. 25; 18, S. 207].

В отношении эффективности проведения нравственной реформы во времена Цицерона в историографии существует две точки зрения: первая связана с тем, что нравственная реформа была в то время невозможна, так как полисная система моральных ценностей изжила себя [3, с. 27-28; 4, с. 53-72]; вторая сводится к возможности возврата к прежним нравственным ценностям [6, с. 181; 12, p. 185; 14, p. 452]. Мы более склоняемся ко второму мнению, т. к. идея нравственной реформы, предложенная Цицероном, имела широкое распространение и отвечала нуждам и интересам определенных слоев римского общества. Такая идея могла бы привести к регенерации, возрождению

моральных норм в обществе. Причем эта регенерация вполне укладывалась в рамки существовавшего государственного строя, не требовала его изменения, не затрагивала его основных институтов [6, с. 181]. Нравственное обновление государства и общества могло бы иметь место, если бы политикой не занимались безнравственные люди, если бы не было людей, подобных Сулле, Помпею, Цезарю с их безудержным желанием первенствовать и если бы их примеру не последовали другие, жаждущие власти политики [1, с. 172-173].

Список литературы:

1. Брагова А.М. Марк Туллий Цицерон об идеальном гражданине и государстве: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. 257 с.
2. Демина С.С. Гражданское сознание и поведение римлян I в. до н. э. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012. 134 с.
3. Кнабе Г.С. 1975. Цицерон, культура и слово // М. Т. Цицерон. Избранные сочинения. Москва: Художественная литература, 1975. С. 5-32.
4. Чернышов Ю.Г. Была ли у римлян утопия? // Вестник Древней Истории. 1992. № 1. С. 53-72.
5. Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. Москва: Наука, 1969. 324 с.
6. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. Москва: Наука, 1977. 256 с.
7. Atkins J.W. Cicero on Politics and Limits of Reason: the Republic and Laws. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 270 p.
8. Balsdon J. 1960. Auctoritas, Dignitas, Otium // The Classical Quarterly. 1960. № 10. P. 43-50.
9. Fürst F. Die Bedeutung der "auctoritas" im privaten und öffentlichen Leben der römischen Republik: Diss. phil. Marburg, 1934. 77 S.
10. Heinze R. Auctoritas // Hermes. 1925. Bd. 60. S. 348-366.

11. Korab-Karpowicz W.J. On the History of Political Philosophy: Great Political Thinkers from Thucydides to Locke. London and New York: Routledge, 2015. 256 p.
12. Krarup P. Rector rei publicae. Copenhagen: Gyldendal, 1956. 211 p.
13. Meyer H.D. Cicero und das Reich. Köln: Photostelle der Universität zu Köln, 1957. 262 S.
14. Peterson T. Cicero: a Biography. New York: Cooper Square, 1963. 699 p.
15. Scullard H. The Political Career of a Novus Homo // Ed. by Dorey T. A. Cicero. London, 1965. P. 1-25.
16. Stevenson T. Julius Caesar and the Transformation of the Roman Republic. London and New York: Routledge, 2014. 212 p.
17. Van den Blom H. Cicero's Role Models: the Political Strategy of a Newcomer. Oxford: Oxford University Press, 2010. 420 p.
18. Wagenvoort H. Princeps // Philologus. 1936. Bd. XCI. S. 207-217.
19. Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 196 p.
20. Wood N. Cicero's Social and Political Thought. Berkeley: University of California Press, 1988. 288 p.

Сведения об авторе:

Брагова Арина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, регионоведения и журналистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Data about the author:

Bragova Arina Mikhailovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Regional Studies and Journalism Department, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: arbra@mail.ru.